

В «Мемуарах эпохи Регентства» можно прочесть о преследованиях, которым святоша подвергли бедную Нинон, и о том, что произошло с ней в дальнейшем.

По навету г-жи де Граммон, злобной лицемерки, о которой Маршал, ее супруг, говорил, что она даст тридцать очков фору самому сатане, Королева-мать велела заточить Нинон в монастырь Маллонетт. Г-же де Ваядом было поручено выполнить это. Нинон обвиняли в том, что она де заражает вольнодумством придворную молодежь. После этого пошли разговоры, будто все придворные волокиты собираются осадить монастырь Маллонетт; нарядили стражу, которой приказано было ходить дозором вокруг монастыря всю ночь. В другой раз пошли слухи, будто какие-то блестящие кавалеры измеряли из соседнего дома высоту стен монастыря, и т. д. Все это наделало такого шума, что Нинон пришлось оттуда ваять, но с условием, что она проведет некоторое время в монастыре в Ланьи. Ее навещало такое множество народу, что хозяйя харчевни «Королевский меч» нажил себе на этом состояние. Буаробер отправился туда поглядеть свою божественную, как он называл Нинон. С ним был маленький лакей, и когда Буаробер уехал, служанка спросила того, кто занял ту же комнату: «Сударь, прикажете постлать только одну постель для вас и для вашего лакея, как для г-на аббата Буаробера?». Нинон рассердилась на Аббата и сказала: «Уж лакей-то мне совсем не нужен». — «Вы ничего в этом не понимаете, — ответил Буаробер, — диврея придает особую прелесть».

В 1671 году Нинон увлеклась знакомым мне молодым человеком. Однажды, когда они вместе ехали в карете, она заметила, что ее спутник смотрит на всех проходящих женщин. «Э, да вы умеете заглядываться», — говорит она и тут же впечатляет ему основательную пощечину: она уже не молода и не уверена в своих чарах.

Некий аббат, который величал себя аббатом де Поясом, большой лицемер, корчивший из себя знатную особу и бывший всего-навсего сыном провинциального шапочника, довольно удачно угождал ей; это был пройдоха, который, не имея ничего, стал обладателем шести-семи тысяч ренты; это прообраз Тартюфа;⁸ однажды он признался Нинон в своей страсти, влюбившись в нее. Говоря о своем увлечении, он сказал Нинон, что ей не надобно удивляться, что самые прославленные святые были подвластны чувственной страсти; что святой Павел⁹ был влюбчив, а блаженный Франциск Сальский не смог избавиться от сего греха.

Мне это напомнило графиню де Ла-Сюз, которая незадолго до смерти влюбилась в созданный ею образ Иисуса Христа; она представляла себе его высоким, темноволосым юношею, весьма привлекательным. Когда Нинон сказала ей: «Мне кажется, что он белокур», — Графиня отвечала: «Отнюдь, дорогая моя, вы ошибаетесь; я знаю доподлинно, что он был темноволос».